

Территория Свободы

Девять Жизней

ПЯТНИЦА ТРИНАДЦАТОЕ

Валентина Спирина
Девять Жизней.
Пятница тринадцатое

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять Жизней. Пятница тринадцатое / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934469-4

Название сборника «Девять Жизней. Пятница тринадцатое», наверняка, говорит само за себя. Подборка рассказов и повестей в жанрах: мистика, ужасы, фэнтези. Уверена, что найдутся любители и для такой острой кухни, от которой волосы встают дыбом от страха, по телу бежит противная дрожь, а ты боишься выглянуть в окно, за которым темно и кто-то стонет...

ISBN 978-5-44-934469-4

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Олен Лисичка	6
Свидание	7
Анте Наудис	12
Преодолевая страх	13
Леканов Антон (Алексей Улитин)	19
Ознакомительная практика	20
Матильда Иванова	32
Проводник	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Девять Жизней Пятница тринадцатое

Главный редактор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4469-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

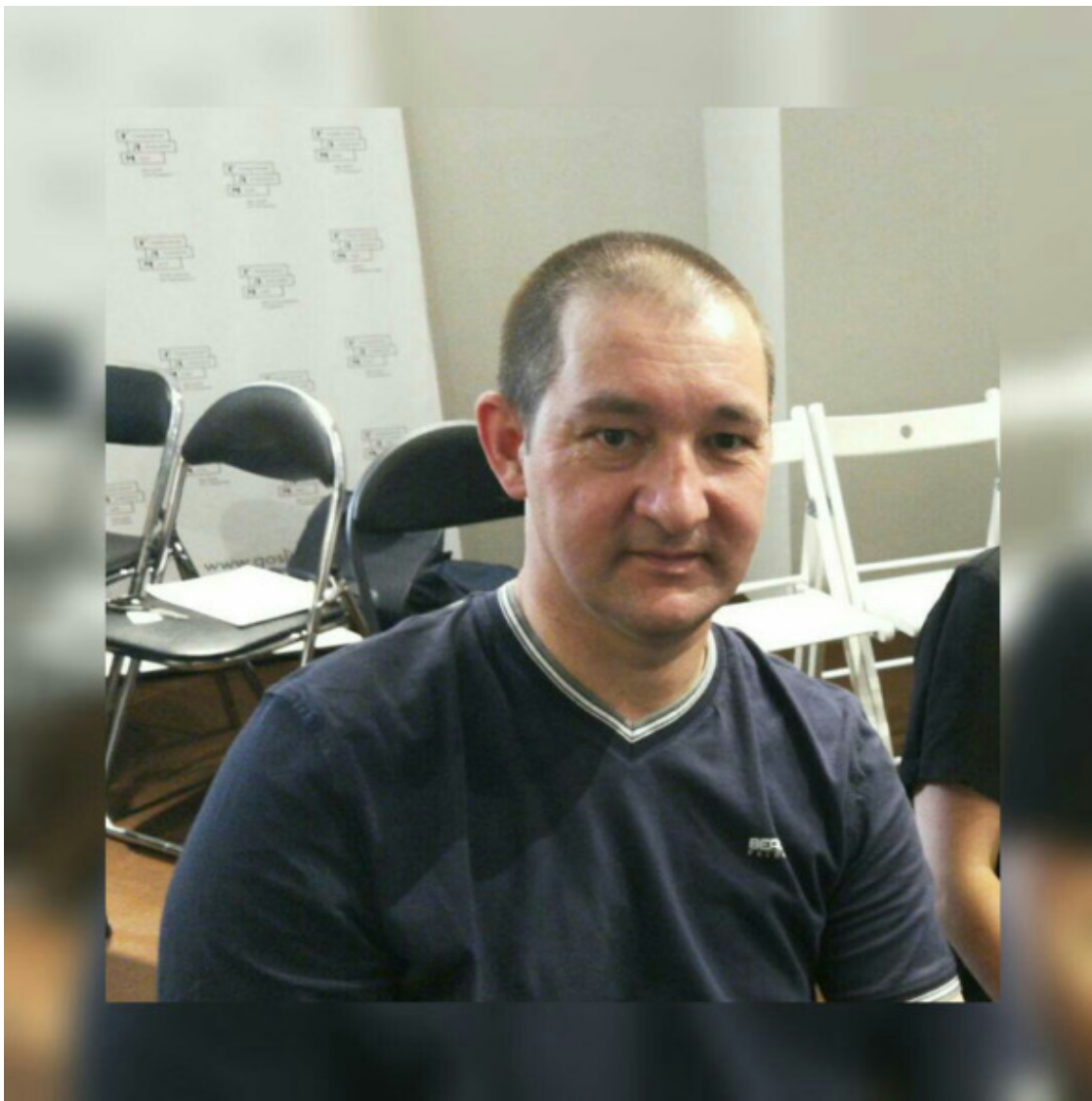
Все произведения и фотографии в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции. Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Территория Творчества

<https://vk.com/club165629849>

Олен Лисичка

*Россия – Москва
https://vk.com/olen__lisichka*

Свидание

«...Пустые дома, мёртвые, как зубы с удалёнными нервами, кренились то вбок, то вперёд, под спудом заброшенности и сиротства...» – прочитал молодой человек первую строчку рассказа своей спутнице.

Девушка, сидела напротив, скрестив «по-турецки» ноги, на траве под огромным тополем в ста метрах от детской площадки, в большом дворе «спальника» механического завода. Шум детворы и крики мамочек, не мешали ей внимательно слушать молодого человека.

– Никита, не читай дальше. Мне начало истории не нравится, – она сложила вместе ладошки на уровне груди, сделала жалостливое личико, – ну пожалуйста, Никитос.

– Хорошо, не буду.

Он сидел напротив, держал в руках книгу и улыбался.

– Юль, но это единственная книга, которую мы с собой взяли.

– Ну и ладно! Будем сами придумывать истории, – ответила она. – чур, с тебя начало!

Никита посмотрел на девушку. Чувства нахлынули волной, с такой силой, что он перестал дышать. Иногда ему снятся ангелы с её лицом, лишь разный оттенок волос придаёт индивидуальность каждому из них. В его снах они вместе летают под небом, цвета её изумительных глаз. У Юлии, они – голубые. Если играть с ней в гляделки, можно – незаметно для себя – попасть в совершенно другой, нежный и ласковый мир его мечтаний. Из этого мира, не хочется уходить, в нём, он счастлив и любим.

В его снах ангелы всегда говорят ему одно, и тоже: «Никита, не бойся, скажи ей, всё будет хорошо!»

– Я не боюсь!

Но, он боится, и ему стыдно, за то, что он их обманывает. Они смотрят на него чистыми, наивными, всему верящими, глазами и ловят каждое его слово.

Нет, он не трус, но некоторые поступки требуют особого мужества.

– Никитос, ну ты что застыл? – спросила девушка, и дотронулась до его руки.

– Хорошо, я начну, – ответил он.

«В одном королевстве, жила-была принцесса, и был у неё жених, принц Жак де Пийон из королевской династии Жанольерр».

– Какое красивое имя, – сказала Юлия, – настоящее, принцевское!

«Если смешать свежесть летнего утра со сладкой спелой вишней, добавить капельку росы и нежность первого поцелуя, получатся твои губы» – подумал Никита.

Светло-сиреневое настроение дня, смешанное с синевой неба и нотками свежескошенной травы, окутывая Никиту и Юлию покрывалом уюта и ожидания чего-то важного, заставляющего сердца биться чаще.

– Этого мало, ещё чуть-чуть придумай! – попросила девушка.

– Хорошо, сейчас.

«Принца она не любила. О том, что она станет его женой, решили её родители. На её мнение им было наплевать. Дела короны важнее».

Солнечные зайчики играли в волосах Юлии. Отливая золотом, скользили по голове в такт качания ветвей тополя. Им нравились волосы девушки. Они с удовольствием купались в её локонах, получая удовольствие от прикосновений. Особо смелые зайчики забегали на лицо, тёрлись о нежную кожу и пытались заглянуть в глаза, заставляя девушку жмуриться. А один, скользнул по губам, сорвав поцелуй.

Юноше очень хотелось стать таким же смелым, как солнечный зайчик. Подойти, провести рукой по волосам, вдохнуть её запах, поцеловать. Но, они были только друзьями. Полгода дружбы, полгода френд зоны, и мучительного желания признаться ей в своих чувствах.

– Юля, теперь ты.

– Я не могу, у меня ножки затекли, – ответила она, – помоги мне встать.

Никита поднялся, подошёл к девушке и протянул ей руки.

– Нет, Никита, не так. Обойди меня, обхвати, и помоги подняться.

Обошёл, обхватил. Хорошо, что она не видит его лица, как оно горит. Девушка обжигала, будоражила кровь, и вызывала желание прижаться к ней ещё сильнее. Аромат духов смешивался с чуть заметным запахом её тела. Одного вздоха этой волшебной смеси хватило, чтобы исчезли все звуки и люди, остались только они. Мысли спутались и улетели в волшебную страну жарких объятий и поцелуев. Туда, где он нежно целует девушку, падает с ней на ковёр из ромашек и васильков. Туда, где только солнце и ветер увидят, как смешивается мужской напор и женская нежность.

– Никита, увалень, ты меня раздавишь! Нежнее надо быть с девушкой! Не отпускай меня, ноги сильно затекли, стоять не могу.

Подул лёгкий ветерок, ветви дерева закачались сильнее. Солнечные лучи, пробившись сквозь листья, падали на землю тяжёлыми золотыми каплями. Ветер принёс с собой запах сигаретного дыма.

«Сейчас скажу!» – решил на смелый шаг Никита – «Только как я это сделаю, если она стоит ко мне спиной? Нет, не получится, подожду следующего раза».

•

– Э, слышь ты, хер с бабой. Мы тоже пообниматься хотим! – услышали они, и вздрогнули от неожиданности.

Прокуренный мерзкий голос, разбил волшебство дня, как пьяный мужик пустую бутылку о голову случайного знакомого.

Хорошее настроение и ожидание чего-то важного, разлетелось на тысячи острых осколков.

Полгода, Никита был для неё другом, и не мог рассказать о своих чувствах. Сегодня, был его день. День, которого он ждал так долго. Только вчера, он набрался смелости и пригласил её под «дерево влюблённых», которое так называлось, ещё со времён молодости его родителей.

– Ты, ты, чудило, тебе говорю, бабой поделись! – ещё раз услышали они голос.

Никита осторожно опустил Юлию на землю. Повернулся. Четверо. Бухие, наглые. Улыбаются. Пиво в стеклянных бутылках. В своём районе, этих четверых он никогда их не видел.

– Ребята, может, мирно разойдёмся? – предложил он.

– Ну так и расходишь. Давай, вали отсюда, бабу только оставь, – сказал самый мелкий из них.

Пропитое лицо, не хватает двух передних зубов, давно не стиранные вещи. Мерзкая ублюбочная морда.

– Я, короче, пойду бабёнку пошупаю, узнаю, так сказать, качество, – продолжил он, потирая руки. И спокойно, ничего не боясь, чувствуя своё полное превосходство, пошёл в сторону Юлии, судя по направлению, ещё и собирался зацепить Никиту плечом.

Никита уже знал, чем всё закончится. Юлию он не бросит, а это значит, сейчас ему вломят по полной программе. Перспектива, конечно, безрадостная. Да чего там безрадостная – это полная жопа! Бить будут долго и больно. Терять было нечего.

– Юля, беги!

Крикнул он девушке и со всей силы ударил, подходящего к нему, мелкого хулигана в лицо. Из—за маленького роста беззубого, кулак зашёл на половину лба и переносицы. Мелкий остановился, закатил глаза и упал вперёд.

«Ну, хоть одного, накажу» – удовлетворённо подумал Никита.

На секунду троица застывает.

– Шиздец тебе, Дон Жуан! Прощайся с жизнью!

Двое самых крепких отдают пиво третьему. Грамотно заходят с двух сторон.

Никита не ждёт, пока набросятся, бьёт ногой в живот того, что слева. Хулиган, прекрасно всё видит и пытается уклониться. Получает вскользь, но и этого хватает, чтобы он схватился за живот, пытаясь вдохнуть. Никита поворачивается ко второму, и получает ошеломительный удар в челюсть. Не успел. На секунду отключается.

•

Юля не убежала. Она просто не могла бросить Никиту. Девушка давно была в него влюблена. Но почему-то, они были просто друзьями. Сегодня для неё был особенный день. Девушка хотела рассказать ему о том, как сильно его любит, о том, что последние полгода, только о нём и думает. О том, что она, уже пару раз ходила в магазин свадебных платьев, и выбрала ресторан, где пройдёт их свадьба. Её мама, двадцать лет назад, первая призналась папе в своих чувствах, на этом самом месте. Сам бы, он так и не набрался смелости, хотя и был тайно в маму влюблён. С тех пор прошло много времени и сегодня история должна была повториться.

Она уже хотела признаться, в тот самый момент, когда он помогал ей встать. От его прикосновений, гормоны в крови так разбушевались, что у неё задрожали коленки и сердце забило птичкой в клетке. Очень хотелось повернуться к нему, положить руки на плечи, и глядя в глаза сказать три заветных слова. Момент был самый подходящий, но близость его тела так пьянила, что хотелось продлить это мгновение ещё не много.

Но, эти пьяные козлы всё испортили. Сейчас, они ломают её будущее. Ещё и парня её хотят избить. А Никитос хорош, мелкого ублюдка с одного удара отправил в нокаут. Герой! Мой герой. Никому не отдам, и не позволю обижать.

Девушка открыла свою сумочку, достала холщовый мешочек с завязкой из старого шнура. Высыпала из него на ладонь горсть серой пыли. Подняла лицо к небу и подкинула пыль вверх. Губы зашептали слова на забытом древнеславянском языке. Ветер понёс серое облако на дерущихся. Никита пропустил сильный удар в лицо, и два хулигана пытались завалить его на землю. Взмах женской руки, и с каждого пальца срывается по молнии, попадая во всех пятерых. Парни застывают без движения.

– Извини, Никита, времени – разбираться с каждым по отдельности – нет.

Ещё одна горсть пыли, ещё один взмах рукой, и полянку под деревом накрывает «ведьмин плащ» не пропускающий звуки и не позволяющий посторонним увидеть, что происходит. Время внутри застывает. Для всего двора, они просто стоят под деревом.

Она удовлетворённо посмотрела на свою работу. Даже на экзаменах за четвёртый курс в академии ведьм, так быстро, у неё не получалось. Жаль, родители не оценят её мастерства, для них, она учится на экономиста в одном из Московских ВУЗов.

Девушка подошла к застывшей троице: её Никита и два подонка. Третий застыл с двумя бутылками пива в руках. Четвёртый так и лежит на земле.

– Который из вас, моего любимого ударил? Кто хотел со мной пообниматься? Кто решил испортить, такой важный для меня, день? – громко спросила девушка у застывших фигур.

Конечно же, ей никто не ответил. Она обошла троицу.

– Ага, ты! С чёрными волосами – я запомнила тебя!

Девушка подняла с земли сухую ветку, размером чуть больше карандаша, и воткнула ему в глаз.

– Я девушка добрая, но ты меня выбесил! – сказала она, и со злостью выколола ему второй. По щекам черноволосого потекла кровь, вперемешку с тягучей жидкостью, к торцу ветки прилип зрачок. Бросила ветку, подошла ко второму. Поднесла свою правую руку к лицу. Произнесла короткое заклинание и дунула на пальцы. Через секунду, её наманекюрные ногти превратились в чёрные когти.

– Это тебе за любовь! – со злостью сказала она и пару раз ударила его по лицу. На лоб и щёчки девушки попали капельки крови, огромные острые когти резали мышцы и кожу лица как бумагу. Щёки хулигана повисли клочьями, видны были зубы и сухожилия челюстей.

Накопившаяся злоба ушла вместе с последним ударом.

– Так, а что же мне теперь с вами делать? – задала она себе вопрос. Через минуту раздумий, в симпатичной головке молодой ведьмы нашлось решение.

Она, подняла с земли ветку побольше, и стала копать неглубокую яму, примерно тридцати сантиметров в диаметре.

Через десять минут закончила. Собрала всё пиво и вылила в получившееся углубление. Стала на четвереньки, и стала собирать в траве жучков.

– Вроде, хватит, – сказала сама себе.

Встала, оторвала кусочек коры от дерева, вырвала с головы пару волос, и вместе с жучками бросила в яму с пивом. Помешивая смесь из жучков, волос и коры, пару раз плюнула и зашептала заклинание. Через минуту, смесь забулькала, по полянке разлился запах гнилых водорослей. Яма заполнилась тухлой водой и увеличилась в размерах и из неё появилась уродливая голова болотного упыря. Мерзкая рожа растянулась в улыбке обнажая кривые острые зубы.

– Юлька, привет!

– Привет, дядя Грымж!

Упырь посмотрел по сторонам, заметил безглазого, и второго, с лохмотьями лица.

– Кто это их так? – спросил он.

– Я, – вздохнув, ответила девушка.

– Даа! Ну ты и злюка! – ответил упырь, – зачем звала?

– Эти уроды, – девушка показала пальцем на пьяную компанию, – меня сильно обидели, испортили очень важный день в моей жизни и парня моего избили. Я не смогла сдержаться, и вот что получилось. Но, они это заработали! – добавила она нахмурив брови и сжав кулаки.

– Так а я, чем могу тебе помочь? Ты их уже наказала, – сказал Грымж.

– Дядя, ты можешь забрать их себе? – попросила девушка.

– Себе? Точно? Ты понимаешь, что с ними будет? – спросил он.

– Да. Забирай. – твёрдо ответила она.

– Отлично! Еды на целый месяц! – радостно ответил упырь, – А ты не боишься последствий?

– Нет. Для всех остальных, они пропадут без вести. Не велика потеря. На четверых козлов станет меньше.

•

Упырь полностью вылез из воды. Пошарил рукой в яме, и вытащил огромный ржавый топор. Подошёл к безглазому, повалил его на землю. Поплевал на ладони, взялся за топор. Пара взмахов, и у безглазого отрублены ноги. Кинул их в воду, следом перетащил туловище. Части тела булькнув, провалились напрямик в жилище упыря. Следующим, был второй из напавших на Никиту. С ним упырь сделал тоже самое. Третьим стал парень, державший пиво. Упырь размахнулся, и рубанул стоящего в грудь. Человек упал. Упырь наклонился, засунул руку в рану, вытащил сердце. Сожрал. Отрубил ноги и также закинул в воду. Подошёл к Никите. Замахнулся топором.

– Стой! – Девичий крик был очень громким.

Упырь застыл.

– Нет! Никиту нельзя трогать! Голос девушки был испуганным.

– Это еда, а не Никита, – ответил упырь, поудобнее перехватив топор. Замахнулся.

Юлия схватилась за топор. Волосы девушки развивались, глаза превратились в два чёрных колодца, скулы заострились, ногти на руках стали длиннее и пробили насквозь древко топора, как бумагу.

– Да я пошутил! Ха-ха-ха!

Довольный эффектом, упырь смеялся. Сначала тихо, но глядя на лицо Юлии, всё громче и громче.

– Да мы, в Гнилом лесу, все про твоего парня знаем. Вы как два телёнка, смотрите друг на друга, а о своих чувствах молчите. Я даже с Брюхом поспорил, кто из вас первым в любви признается. Я на тебя напёрсток синей пыли поставил, а Брюх на Никиту – баранью ногу.

– Дядя, у меня от страха, чуть сердце не остановилось!

– Ну, ничего страшного. Брюху расскажу как «подколол» тебя. Он такой шутке обзавидуется.

– Время действия «Ведьминого плаща» на исходе, – напомнила девушка, – через пять минут сработает заклинание чистоты.

– Да, да. Сейчас последнего заберу. – заторопился упырь.

– И не вздумайте с Брюхом, после этого за нами из своей лужи подглядывать! – предупредила его Юлия. Весь «романтик» мне испортите.

– Нет, конечно, как ты могла подумать. – сказал упырь, пряча улыбку, от вида которой, обычные люди седеют, или остаются заиками, если выживут.

– Юль, а этот смотрит на меня, вон как глазищами вращает! – сказал Грымж стоя над беззубым. Наверное, действие заклинания ослабевает.

Девушка подошла к мелкому. Посмотрела на небо. Белые зефирки беззаботно плыли по бездонной синеве, подгоняемые тёплым летним ветерком, иногда обгоняя друг друга, или соединяясь в одно большое облако. Юля улыбнулась. «Облака, такие же лёгкие и воздушные, как свадебное платье которое я мерила» – подумала она.

К девушке возвращалось хорошее настроение.

Она присела рядом, даже не глядя в его сторону, прикрыла пальцами его веки.

Анте Наудис

Россия – Москва
<https://vk.com/id427051522>

Преодолевая страх Рассказ

Глубокая ванна была похожа на огромный саркофаг, только чересчур белая. Эмаль слепила глаза, будто покрытая сверкающим инопланетным алебастром. Я лежал в ней, погруженный в воду, и не чувствовал своё тело. Мои глаза были открыты, я видел и слышал всё, но не мог пошевелить даже рукой.

– Ты осмотрела его хорошо? – спрашивала женщина в одежде, похожей на хирургический костюм.

– Да, всё как я хотела, – отвечала ей вторая, одетая в лёгкое платье, поверх которого был белый передник, то ли из клеёнки, то ли из скатерти. – Соответствует заказу.

– Внутренние органы проверила?

– Да.

Я понимал, что речь идёт обо мне, потому как они вглядывались в моё лицо и прикасались к моему телу, но я не чувствовал ничего, кожа была не чувствительной, но в ракурс моего зрения попадали их руки, что-то делающие на моём теле и плеск воды, в которой я лежал, по видимому обнаженный.

Наконец, та, что в хирургическом костюме сказала:

– Тогда, думаю, его можно активировать.

– Думаю, да, – ответила в платье и переднике и поднесла руку куда-то в область моей шеи.

Я почувствовал легкое покалывание в голове, которое плавно переходило к лицу, затем перетекло к шее и дальше. В теле появлялась чувствительность, оно будто оттаивало после глубокой заморозки. И когда я почувствовал кончики пальцев ног, то попробовал пошевелить конечностями.

– Янг, я помогу тебе подняться, – сказала женщина в переднике и ухватила меня под локоть. – Кэрри, отсоедини от него датчики побыстрее, кажется, он готов к жизни.

– Конечно, Лейла.

Я смотрел на странных женщин, не понимая, но теперь, зная их имена, мог обратиться с вопросами.

Они принесли мне одежду и помогли одеться, а затем Кэрри покинула нас, оставив с Лейлой наедине. Она сняла передник, повесила его на спинку стула, налила в кружку какой-то жидкости из графина и протянула мне.

– Выпей, это восстановит процессы внутренних органов.

Я потянулся рукой к кружке, вдохнув запах неприятных лекарств, сделал глоток и вопросительно посмотрел на неё. Она начала говорить ровным и уверенным голосом, не отрывая от меня своих серо-голубых глаз.

– Тебя зовут Янг, ты мой муж, тебе 33—36 лет. Я приобрела тебя у *сталкеров*, тебя перепрошили под индивидуальный заказ.

Я никогда не испытывал такого необычного состояния, которое было у меня сейчас. Когда всё понимаешь, все ощущаешь, но воля словно парализована, будто заморожена. Слабость к сопротивлению, будто у меня закончилась энергия, рассчитанная на это сопротивление. Звали меня не Янг, возраст размыт, и эта Лейла вовсе не жена мне – я догадывался, что всё это ко мне не относится. Но со мной что-то сделали, ведь последние события отпечатались в голове намертво.

Я находился в какой-то лаборатории, где лежал на большой жёсткой кушетке, а рядом были люди в хирургических костюмах с масками на лице. Они что-то делали с моим телом, я чувствовал нестерпимую боль, будто тысяча зарядов электрического тока разрывали кожу и взрывали кровь изнутри. Датчики опутывали мое лицо, и многочисленные мониторы, под-

ключенные к ним, постоянно пищали странными невыносимыми звуками, контролируемые «докторами» в масках.

Я несколько раз отключался, а потом снова приходил в себя, и блуждающие боли распространялись по всему телу. В какой-то момент я почувствовал, как внутренние органы стало жечь нестерпимой болью, и пробовал кричать... Но мой мозг заполнился чем-то жидким и тёплым, и я снова отключился. На этот раз перед глазами всё перетекло в странные галлюцинации, которые были даже приятны.

А потом большая белая ванна и две женщины, активируют моё тело.

– Как ты себя чувствуешь, Янг? – спросила Лейла.

Я не мог говорить, мне было сложно, я хотел выдавить из себя слово, но получалось как-то неправильно, не по-русски.

– Я понимаю, – сказала она, и до меня дошло, что я говорю на другом языке, потому такие затруднения в речи.

На каком бы языке я не разговаривал, мои мысли крутились в одном направлении, кто я такой и что делаю здесь? Я ничего не помнил, только последнюю картину, когда меня пере-прошивали эти странные люди в хирургических костюмах, а затем активацию в ванной... Я был уверен, что я не Янг, мне не 33—36, я не муж Лейлы, и этот язык не мой родной.

– Кто я? – спросил я и почувствовал сильную тоску в области солнечного сплетения. Сердце будто замедлило свой ритм. Кажется, я побледнел, потому как Лейла вскочила и тронула мой лоб, а потом принялась делать какие-то манипуляции в области шеи. Ощущений никаких, словно она водила ладонью по воздуху.

– Они не до конца отформатировали ему память, – крикнула она, и в комнату вошла Кэрри. – Он очень тревожен.

– Кажется, его нужно на повторную перезагрузку, иначе ты не оберёшься проблем.

Я хотел что-то сказать, но язык, на который меня запрограммировали не был рассчитан на глубокие размышления лишь на бытовые фразы, а потому я раздумывал как сказать то, чего я хочу.

– Давай я введу ему инъекцию «Би-10» и вызову ассистентов, – Кэрри вынула из кармана маленький пистолет с инъекцией.

Я вскочил, выставив ладони вперед.

– Нет! Не надо!

– Кэрри, он не опасен? – забеспокоилась Лейла.

– Я собиралась его парализовать до приезда ассистентов, но чувствую, он не даст мне этого сделать. Поговорим.

Она целилась мне в область шеи. Должно быть там находилось то устройство, которое держало меня во власти страха и паники, оно было для меня вне зоны доступа, потому как я даже не мог посмотреть на свою шею, если только в зеркало. Но пока я раздумывал пойти поискать зеркало, Кэрри приблизилась ко мне и попыталась ввести «Би-10», но я отскочил влево, и пистолет выпал из её рук.

– Оставайся на месте, Лейла! – скомандовала Кэрри.

Женщины замерли в ожидании, а я обессиленно сел на стул, потому что и сам не знал, как повести себя в такой ситуации. Меня окутывало отсутствие силы воли и желание к сопротивлению, мне не хотелось ничего делать, я осознавал неправильную картину своего мира, но ничему не сопротивлялся.

– Кто я? – спросил я.

У Лейлы задрожали губы. Кажется, с самого начала что-то пошло не так, потому как я понимал больше, чем должен был понимать и никакие инъекции и перепрошивка не могли вычистить из моей головы знания, что я не Янг. А может быть это находилось вовсе не в моей

голове и не имело никакого отношения к мозгу? Как память души, на которой остаются отпечатки последних переживаний оставленной жизни.

Я медленно встал и пошёл в другую комнату, там я увидел большое зеркало в пластмассовой раме в виде странного орнамента. В отражении на меня смотрел молодой мужчина с тёмными короткими волосами, серо-зелёными глазами и натянутой улыбкой. Средний рост, широкие плечи, все органы на месте – ничего особенного. Я прикоснулся к своей шее, чтобы проверить её на чувствительность и почувствовал, что она отзывается. Но всё же, что-то было не так.

Я вспомнил, что ночью мне снился странный сон, я где-то на улице, за мной гонятся. Мы на высоких домах, на живущих своей жизнью крышах, которая кишит опасными субъектами с электрическими дубинками, и мой страх высоты всё решает в последний момент. Я вижу канаты, по которым мог бы спуститься на землю и попасть вне зоны их доступа. Там внизу какие-то люди, женщины, мужчины, дети. Их движения медленные, а выражения лиц растерянные, как будто они не знают, что делать дальше. Так высоко... так страшно... и я повернул обратно, чтобы скрыться в чердачный проём крыши.

Вероятно, это не сон, а реальность, предшествующая той, когда я лежал на операционном столе и люди в хирургических костюмах «колдовали» над моим телом.

Я отошел от зеркала и вернулся в комнату, где Лейла что-то взволнованно говорила Кэрри, а та сжимала в руке пистолет с инъекцией «Би-10».

– Кто я?

Лейла странно посмотрела на меня и хотела что-то сказать, но не успела, потому что Кэрри удалось выстрелить мне в шею. Я ничего не почувствовал, лишь странную тоску и парализованную волю к сопротивлению. Впрочем, это чувство не покидало меня никогда, а сейчас только усилилось. А затем я отключился.

•

Проснулся я от того, что услышал странные звуки, похожие на плеск воды. Открыв глаза, я снова видел себя в ванной, рядом со мной стояла Лейла и манипулировала с моим телом, которое потихоньку приобретало чувствительность. Я больше не задавал ей вопросов, решив затаиться в глубине души и притвориться тем, кем она хочет меня видеть.

– Как ты себя чувствуешь, Янг? – спросила она.

– Нормально, – ответил я глазами.

Она помогла мне подняться, выдала накрахмаленное бельё и мягкую одежду. Затем мы сидели за столом, и она налила мне в кружку лекарства, я выпил, почувствовав всё тот же горький вкус с привкусом тоски.

Я продолжал всё осознавать и помнить. Секрет заключался в том, что это находилось не в моем мозге, а в другом месте, предположительно в душе. И хоть я не мог вспомнить – кто я такой, я знал что-то очень важное, что делало меня особенным и свободным, не похожим на этих мёртвых людей, которые ничего не чувствуют.

– Что я должен делать для тебя? – спросил я.

– Ты мой муж, – ответила Лейла.

– Я не совсем понимаю, какие у меня права и обязанности.

– Ты отлично готовишь и хорош в постели, – сказала она и нахмурилась. – Но ты ведешь себя очень странно, Янг.

– Я бы хотел приготовить тебе что-нибудь очень вкусное, – сказал я, напряженно соображая.

– Попробуй, тебе встроили такую программу.

Я прошёл в другую комнату и осмотрелся на светлой кухне.

– Может быть пудинг или омлет? – спросил я.

– Что захочешь, – ответила она, следуя за мной.

Я брал продукты, смешивал ингредиенты и пытался расставлять посуду, но все валилось из рук.

– Я приготовлю твой любимый яблочный пирог.

– С чего ты взял, что я его люблю?

– А как насчёт груш?

– Можно...

Если меня перепрошили, сделали новые установки, перекроили тело, то что во мне осталось прежнего? Почему память не стирается до конца? Значит, она находится не в мозгу и её невозможно подтереть... Она в самой потаённой глубине. В душе.

Значит душа – это и есть суть человека, а всё остальное только приложение к пользованию тела и его составляющих. Тогда если всё разруσιμο, и все можно переделать и перепрограммировать, то душа все равно остается не тронутой. Она неразрушима и не подвластна времени и переменам, значит – она вечна...

– Эврика! – воскликнул я и заулыбался.

– Ты догадался, что я люблю груши? – спросила Лейла.

– Импровизация.

– Или настройка...

Она присела на мягкий стул у окна, а я формировал пирог на силиконовом противне и нарезал груши. Если душа вечна и не разрушима, значит она уникальна. Любовь...

Я вспомнил любовь, необычное чувство, его невозможно было забыть или вытравить, потому как любовь – это природа души.

– Душа... любовь, – произнес я, выкладывая тесто на противень.

– Что ты сказал? – удивилась Лейла.

– Импровизирую, готовую с душой, с любовью...

– Что?!

– А ты знаешь, кто такой Бог? – неожиданно спросил я, ставя пирог в мульти-духовку.

– Какой Бог? – она внимательно следила за моими руками.

Я молчал, подбирая слова в лексиконе своего нового языка.

– Сам не знаю...

– Янг, мне кажется ты сходишь с ума, я вызову психоаналитика, он поможет тебе.

– Не нужно психоаналитика, я не испытываю любви.

– Какую любовь ты имеешь в виду?

– Никакую не чувствую.

– Любовь – это часть философии, психологии и мистики, её не существует в реальности.

– Она внутри меня, просто не пробуждена...

– У тебя определенно расстройство, надо обратиться к психоаналитику.

– Через 40 минут пирог из груш будет готов для тебя, – сказал я устало и опустился на стул.

Сколько прошло времени я не помнил, но первый кусок отрезал Лейле на пробу. Положив его на блюдечко с розовой каймой, приложил позолоченную ложечку с надписью: «Лейла +».

– Вау! Как вкусно! Ничего подобного я ни ела в своей жизни!

– Пирог «Божественная груша», – улыбнулся я.

Лейла поджала губы, проглотив кусочек. Её пугал мой энтузиазм в первый день новой жизни в её доме. Незнакомец из другого мира.

– Ты очень странный, Янг.

– Да, ведь мне повредили часть мозга, и я иногда летаю с катушек, – попытался пошутить я, чем только больше её напугал.

– Ты весь повреждённый, но готовишь отлично. Осталось проверить, насколько ты хорош в сексе.

Ночью я старался делать все странности с ней в постели, которые приводили её немолодое тело в экстатический восторг. Закрыв глаза, я представлял молодую девушку с тёмными как вишни глазами, с каштановыми волосами и милой улыбкой. Этот образ распался мою страсть на изношенном и усталом теле Лейлы.

Когда она удовлетворённая уснула, я вышел на лоджию. Ночная прохлада обдувала мое лицо, я всматривался в чёрную тишину, будто кого-то ждал. А затем поднял голову и увидел жёлтую луну, нависающую над почерневшими верхушками деревьев. Рядом с ней были рассыпаны серебряные звёзды. Мне показалось, что именно там, в этом ночном небе кроется секрет моего странного существования. Я открыл раму, потянулся на руках и перепрыгнул перила балкона, оказавшись на улице. Шагнув в темноту, не оборачиваясь, зная, что идти нужно только вперёд, луна и звёзды стали моим проводником.

Через несколько минут быстрой ходьбы, я очутился в каком-то районе города и почувствовал, что это необычное место. Я поднял руки вверх и сосредоточился на том, что было у меня внутри. Те крошечные обрывки памяти и убеждение, что я не тот, кем являюсь, формировали убеждение, переходившее в знание, которое вело меня к создателю этого непонятного мне мира. Должно быть, к Богу.

Увидев лестницу, я забрался на неё и ноги сами повели меня вверх, пока я не очутился на какой-то ровной площадке, где впереди открылось звёздное небо и большая луна. Они были так близко, что я вытянул руку, в желании достать до этого чуда, но неожиданно увидел какие-то вспышки и обернулся. Ко мне приближались странные люди в непонятных одеждах, в их руках были чёрные электрические дубинки. Ситуация повторялась, как в том сне, это были сталкеры, которые уже однажды поймали меня, передав ассистентам. Я побежал.

И снова я на высоких домах, на их крышах, которые кишат опасными субъектами с электрическими дубинками и дегенератами всех мастей. Оказавшись рядом со своим страхом, я вижу канаты, по которым можно осуществить спуск на землю и попасть вне зоны их доступа. Да, я уже проходил этот путь, но тогда страх заставил меня повернуть в чердачный проем. Что там внизу? Там люди... все те-же мужчины, женщины, дети, Лейла... Кэрри...

Мне предстояло преодолеть свой страх высоты и спуститься по канату. Второго шанса у меня не будет, ведь теперь они знают, что память осела в буфере моей души, а не в мозге и попробуют разработать что-то более действующее, чем простая перепрошивка.

Я сосредоточился и приблизился к краю крыши, где висел канат, я хотел ухватиться за него рукой, но краем глаза увидел, что на это у меня уже нет времени, потому что один из сталкеров был почти рядом. Он заносил свою искрящую дубину надо мной, и я видел, словно в замедленной съемке, что сейчас она коснётся моей головы или шеи. И тогда я решил, что не могу этого допустить во второй раз, потому что теперь они вытравят из меня последние остатки памяти о любви... о нежности... о счастье... и я больше никогда ничего не вспомню... А что я должен вспомнить? Не знаю, но времени у меня на раздумья не было, оставались считанные доли секунды. И в этот момент меня посетило сильное отчаяние, перед которым отступил даже страх. Я качнулся и прыгнул.

Ночная темнота, звенящая высота и неожиданный полёт встретили меня порывом ветра и замиранием сердца. Губы разомкнулись и из горла вырвался последний отчаянный крик:

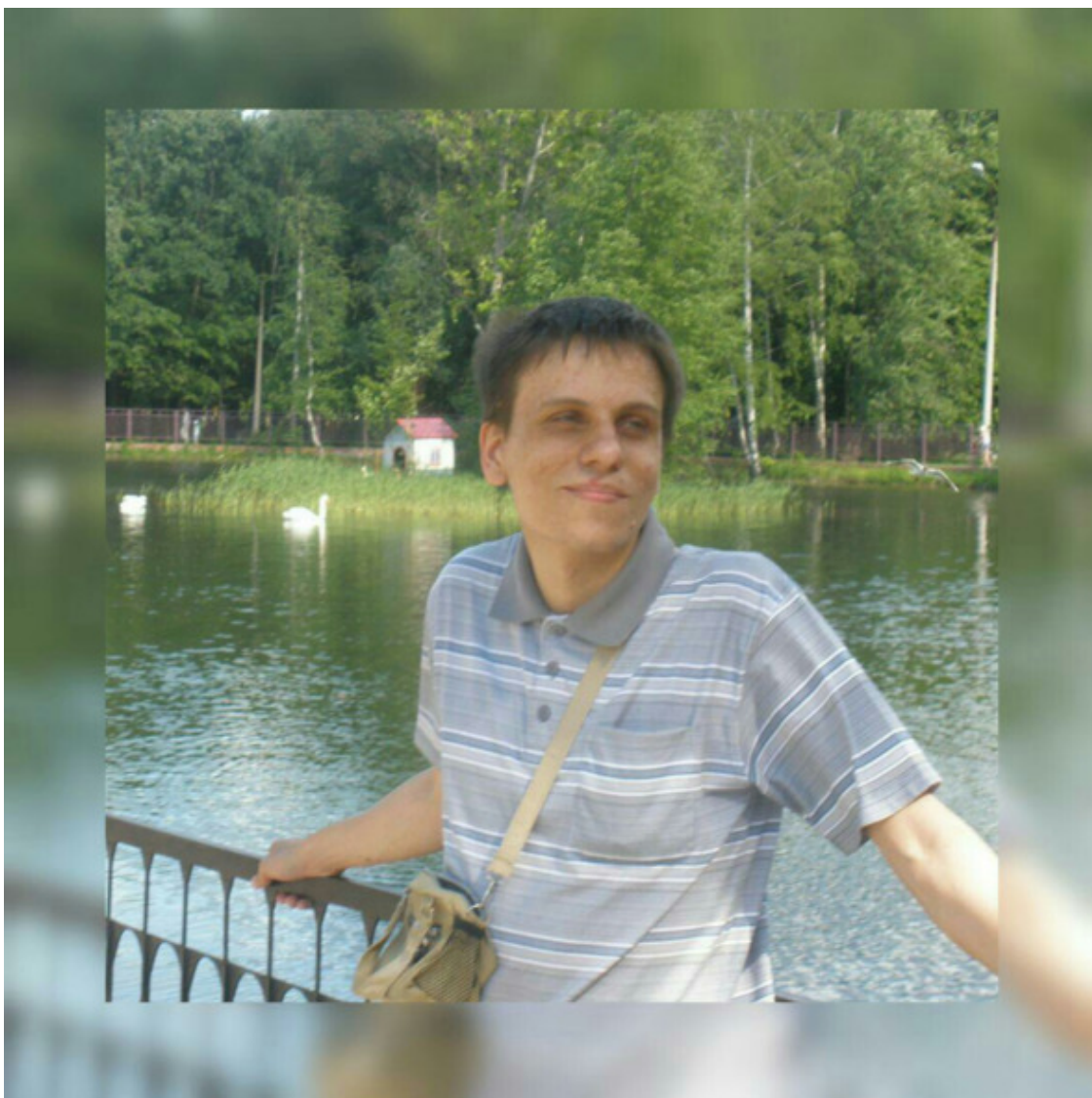
– Я-ААА-ННН-ГГГ-ХХ!!!

Это было одно из имен Бога, я и сам не знал, почему я так его произнес. После отчаянного крика во Вселенную, я зажмурился и в тот же миг очутился в другом измерении. Сильная волна сжатого воздуха и поток яростного ветра вытолкнули меня из тела, и я завис в пространстве. Всё привычное отделилось, обнажив невесомость, созданную только из моих чувств и образов. Теплота наполненности этого состояния окутывала мягким блаженством, и я парил, расправив

крылья. Я и не знал, что крылья всегда были у меня за спиной. Душа, в отличии от разума, не думает и не рассуждает – она чувствует и знает, поэтому не ошибается.

Я полетел в мир, который открывался мне длинной синей дорогой звёздного неба. В мир, который был мне более привычен, потому что это был мой мир, наполненный чувствами и любовью. Мир, сотворённый Богом. Там ждала меня хрупкая девушка с каштановыми волосами и тёмными, как вишни, глазами.

Леканов Антон (Алексей Улитин)

Россия – Нижний Новгород
<https://vk.com/id400594968>

Ознакомительная практика

*«Мы на лету срывали вечность,
А дорога шшла змеей.
Тела светились словно свечи
В этой гонке такой неземной
Неземной...»
«Ария», «Король Дороги»*

...Московское шоссе, по которому, как легко догадаться, можно было кратчайшим путём попасть из Нижнего Новгорода на федеральную трассу, ведущую в столицу – Москву, было достаточно оживленным местом. Оно не знало тишины. Даже сейчас, в двенадцатом часу ночи, по нему летали на полной скорости трейлеры с прицепами, легковые автомобили, спешащие на автовокзалы автобусы междугородних рейсов и, разумеется, ночные всадники – байкеры на своих разномастных стальных конях различных пород. Как и положено волкам, они сбивались к началу «часа крысы» в спаянные сообщества со своей устоявшейся иерархией. И новомодные, но редко встречающиеся трайки, и квадроциклы спокойно уживались в ночных стаях с классическими «стритфайтерами» и «крузерами», призывно подвывая своим стальным собратям во мраке ночи...

Вот среди привычных для окрестностей шоссе звуков появился новый. По своему звучанию он больше всего походил на рокот мотоциклетного мотора, но тональность всё же была несколько иная. Звук приближался, становился более грозным и громким. Наконец, ночную мглу прорезал, как ножом, луч света от фары... мопеда, которая, в отличие от фар мотоциклов была не круглой, а трапецевидной.

Перед прямоугольным дорожным указателем синего цвета, на котором красовались выполненная белой краской надпись «Заволжье» и белая же стрелка, предлагающая гостям этого городка или просто всем желающим повернуть направо, мопед остановился. Только теперь становилось понятно, что на нём едут двое седоков: парень, управляющий рулём и девушка, сидевшая позади него. Парень заглушил мотор, повернулся к своей девушке, поднял защитный щиток шлема и спросил:

– Ты решила? Куда едем?

– Не знаю, Алекс. Теперь уже – не знаю....

– А если честно? Если ты только захочешь, то...

– Я настолько устала за сегодняшний день, что мне сейчас абсолютно все равно, – честно ответила девушка. – Хочется одного: чтобы всё это поскорее закончилось.

– Понятно! – решил для себя парень. – В таком случае – держись! Осталось немного, минут двадцать – двадцать пять, не более.

Алексей вновь закрыл своё лицо прозрачным защитным щитком шлема, повернулся вперёд, резким ударом ноги нажал на рукоятку кикстартера, запустив двигатель мопеда, и миновал этот поворот. Так же уверенно он проехал под виадуком и лишь после него повернул в том же правом направлении. Трассы, как известно, двусторонние, из-за чего при въезде на сам виадук Алексей повел свой старый мопед «Рига-16» в сторону, противоположную Заволжью, держа курс на Богородск. Он ехал, выжимая на форсаже из своего мопеда запредельные для этой марки 60 километров в час, искренне радуясь тому, что выбор маршрута в самый последний момент остался за ним. Он был крайне не уверен в том, что ему бы удалось довести свою девушку до того места, куда она намеревалась поехать первоначально. Все же оставшиеся километры пять известной дороги – не семьдесят с гаком, которые отделяли их от туристической базы «Север», располагавшейся на берегу одноименной реки. К тому же, дорогу на туристическую базу он, Алексей, помнил крайне смутно. Да и усталость сегодняшнего дикого дня,

вместившего в себя так много событий, уже сказывалась даже на нём. Сейчас ему надо было переехать по виадуксу над железнодорожными путями, повернуть направо, немного вернуться назад, вновь пересечь, но уже по переезду, железнодорожные пути, и они будут у своей цели. За путями располагалась деревня «Бревнино», в которой напротив сельской школы стоял домик, принадлежащий его, Алексея, бабушке. Сейчас он пустовал, поскольку единственный ключ от входной двери, взятый из комода в квартире у бабушки, был у него в кармане куртки. Этот дом был единственным местом, где они могли реально укрыться. Хотя бы на время. А там... там – будь что будет!

*На краю обрыва, за которым Вечность,
Ты стоишь один во власти странных грез,
И, простившись с миром, хочешь стать беспечным,
Поиграть с огнем нездешних гроз.*

*На краю ты счастлив, как никто на свете:
«Ангельская пыль» тебя уносит вверх,
Только ей подвластны и восторг и ветер,
В «жидких небесах» звучит твой смех.*

Алексей прекрасно понимал, о какой «пыли» поётся в композиции, и сейчас он тоже был опьянён. Опьянён самым мощным из всех стимуляторов на Земле – Любовью, которая и является самой настоящей, не синтетической, «Ангельской пылью» и потому еще не знал, верить ему или не верить в происходящее.

Ангельская пыль — Это сон и быль!

Мопед, вернее мокик, будто угадав его мысли, пел рокоющую мелодию, иной раз прерываемую рокерскими риффами. «Ракушка» наушника в правом ухе проигрывала излюбленную тему противостояния Человека и Судьбы.

*Безумец, беглец, дороги нет,
Ты видишь неверный свет!
Твой Ангел зажег мираж огня,
Он хочет убить тебя...*

– Я бы поспорил с этим утверждением, – усмехнулся про себя Алексей, ведя свой мокик вперед. – Наоборот, в последнее время он мне вернул из небытия прошлого замечательную девушку. Пусть и с недостатками, но кто же из нас, живущих на Земле, их лишен?

•
... Утро нового дня для девушки началось крайне непривычно. Да и завершение вчерашнего дня обычным было назвать нельзя. И если до вечера все было стандартным для пятничного дня мая месяца: школа, обед, «домашка», предвкушение отдыха, то вот потом...

Потом из ничего (не отпустили на свидание) вспыхнула ссора с отчимом и мамой, прямым итогом которой стало то, что она узнала о себе много нового и обидного. Казалось бы, не в первый и не в последний раз, но... Но уж, когда дело дошло до полного запрета с их стороны на общение с парнем из параллельного класса, то результат превзошёл все их ожидания. Запретить пятнадцатилетней девушке встречаться с парнем? С парнем, который непостижимым для всех окружающих образом умудрился доказать ей, что на самом деле существует человек, способный испытывать к ней искренние чувства и принимать её такой, какая она есть?

Закономерным результатом этого запрета стала настоящая истерика с битьем посуды, ответной матерной бранью и резкой боли в груди, вызванной, в том числе, и смертельной обидой почти на весь этот столь несправедливый, с её точки зрения, мир. Дальнейшие события закрутились в таком стремительной круговерти, что просто захватывало дух и воображение.

Стремительный рывок к тумбочке увенчался телефонным разговором с Алексеем, в ходе которого она просто умоляла спасти её и отвезти туда, где им двоим уже никто и никогда не помешает, где им вдвоём было так хорошо много лет назад. Не прошло и двадцати минут после него, как её «принц» прилетел на своем вороном «коне» – мопеде к входной двери подъезда. В дикой спешке она успела лишь закинуть в сумочку свои очки, пачку сигарет, зажигалку и кое-что позаимствованное у своего отчима, надеть кожаную куртку и вскочить на мягкое сидение, предусмотрительно прикреплённое Алексеем к багажнику. Как раз вовремя! Следом за ней во двор выскочил разъяренный «второй папа» и увидев её вместе с Алексеем, клятвенно пообещал, что они оба очень сильно пожалеют, если не она слезет с мопеда и не вернется в квартиру. Что и он, и его друзья их обязательно достанут. В ответ девушка, удобно усевшись позади своего парня, в совершенно нецензурных выражениях объявила своему «типа предку», куда, с кем и зачем она уезжает, а затем и вовсе нагло пожелала и ему, и его приятелям «удачной погони». После чего начался совершенно безумный даже для такой оторвы, как она, побег. Побег, закончившийся после всех пережитых ими перипетий, здесь, в деревне, на двуспальной кровати. И закончившийся именно ТАК, как она этого сама страстно желала...

Первым звуком, который её пробудил ото сна, стал крик петуха. Для типичной городской девушки, которая видела представителей отряда куриных либо на картинке, либо уже в ошипанном виде, это было в диковинку. Петуху мычанием отозвалась корова, а затем, когда она проснулась уже окончательно, её уши смогли различить жужжание шмеля в палисаднике за окном и странное потрескивание рядом с входом в комнату. То горели дрова в печи, принося тепло в комнату. Девушка повернула свою голову направо, туда, где по её представлениям должен был спать её (после этой ночи действительно ЕЁ) парень. Но Алексея уже не было. Лишь от растопленной им печки шло тепло, а из коридора слышался тихий, но требовательный свист от вскипающего чайника, который, однако, быстро смолк.

– Неужели всё это было на самом деле? – спросила девушка сама о себя. – И скандал, и побег, и то, что произошло между нами, и этот – то ли полусон, то ли полуявь.

Вспомнив о нём, она не смогла сдержать свой смех, чистый смех пятнадцатилетней девушки. Уж больно он был странным для неё, убеждённой, а в последние полтора года даже воинствующей атеистки...

•
... – Ну что, будущие стальнокрылые? Теорию вы все вроде знаете, полёт освоили да и Испытание прошли. Приступим к настоящему Делу? – Шестикрылый Серафим прошелся вдоль ряда будущих Ангелов, по-армейски «евших» его глазами, как и положено по Уставу.

Их взгляды упирались в ту пару прекрасных крыльев, которыми он закрывал своё лицо. Они еще не стали настоящими Хранителями и выдержать сияние Истинного Света исходящего от него, они не могли. А Серафим, выждав немного, продолжил свою речь, будто заправский старший сержант перед строем новобранцев:

– Задача перед вами будет стоять достаточно простая: на одну неделю вы будете прикреплены к настоящему Ангелу-Хранителю и его Подопечному. Заодно вы посмотрите, как будет выглядеть ваша повседневное Служение не в теории, а на практике. В полевых (как говорят в брэнном мире) условиях. Или, если хотите, на пленэре. Вопросы ко мне будут?

– А вмешиваться в Судьбы людей нам разрешается? – неуверенно спросил кто-то из середины строя.

– Разумеется! Ведь на эту неделю Человек станет и вашим Подопечным. Поэтому, если ваше вмешательство будет необходимо для спасения его Души, то делайте всё, что в ваших силах. Вы же Хранители!

Эти слова Серафима строй встретил полным молчанием. Каждый из числа будущих Ангелов-Хранителей в строю прекрасно осознавал, что шутки для него кончились, началось Служение. И что оказанное им доверие надо оправдать в полной мере. Как там правдиво описал аналогичную ситуацию Гоголь? «Крепко задумались казаки...». Неловкую, затянувшуюся паузу прервал сам Шестикрылый.

– Впрочем, это всего лишь ваша ознакомительная практика. Те Подопечные, кого мы доверим вам, по большей части совершенно простые люди с мелкими бытовыми грешками и столь же небольшими, но милыми нам бытовыми добродетелями. Собственно говоря, примечайте то, что делают основные Хранители в той или иной ситуации, и запоминайте. Больше я от вас пока не ожидаю.

– Оно и понятно, – неожиданно для себя самой вслух произнесла Элаина. – Все, как на войне: в первом бою держись «старика»...

Серафим выделил её среди других Ангелов своим пронзающим взглядом, выждал немного, повернулся к строю лицом, и спросил:

– Какое первое правило вы все должны были запомнить при поступлении в нашу Школу?

– Забудьте о вашей земной жизни и всех грехах, совершенных вами, – хором ответил строй, в том числе и Элаина.

– Вот это уже другое дело! Впрочем, аналогию Элаина подобрала очень хорошую. Держитесь основных Хранителей, тех, кто уже разобрался, как надо действовать в тех или иных жизненных ситуациях. Помните, что вы попадете в совершенно иное время, нежели то, в котором вы жили Людьями. Вот отчего ваш земной опыт может оказаться совершенно бесполезным в тех обстоятельствах, с которыми вы можете столкнуться. Многого изменилось с тех пор. Вам этому еще учиться и учиться. Все ли понятно?

– Да! – многогласно отозвался строй

Правда, единого хора на этот раз не получилось. Иные Ангелы, в том числе и Элаина гаркнули привычное для своей земной жизни: «Так точно!».

– А теперь я закреплю за каждым из вас по Подопечному. Уверяю, что каждому из вас достанется именно тот, кто больше всего подходит ему по Духу.

...Когда к Шестикрылому Серафиму подошла Элаина, Серафим пристально посмотрел на нее, выдержал паузу, будто решая неожиданно возникшую дилемму, а затем с добродушной улыбкой проговорил:

– Следовало бы закрепить за тобой пожилую монахиню, дабы поучить тебя смирению, но раз я дал вам всем некое обещание, то...

– Я готова защищать любого Подопечного, которого закрепят за мной вне зависимости от пола и возраста, – с достоинством ответила девушка.

– Вот это совершенно другой разговор. Впрочем, ты можешь быть совершенно спокойна: тебе достался не самый проблемный Подопечный – обыкновенный подросток, которому пару недель назад исполнилось пятнадцать лет от роду.

– Пятнадцатилетний подросток? И при этом не самый проблемный? Это как? – непониманно удивилась Элаина, лишь недавно проштудировавшая последние методички по земной жизни современной молодежи.

– Как ни удивительно, но дело обстоит именно так! О таких, как он, говорят – мальчик городской, но «домашний». Ну, почти «домашний». Впрочем, нового отчёта о его деяниях за прошлый день мы так и не получили, но я не думаю, что тебе стоит о чём-то волноваться. Если бы с ним случилось что-нибудь экстраординарное, то мы бы об этом уже знали. Скорее всего, самая рядовая история...

•
...Когда Элаина переместилась в бранный мир и осмотрелась по сторонам, она порази-лась открывшейся картине. Вместо городской квартиры её встретил достаточно старый деревянный дом, с классической русской печью у входа в комнату, бумажными обоями на сте-нах, и «лампочкой Ильича», свисавшей с деревянного же потолка. Своеобразных дополнений к небогатой обстановке было немного. Одним из них служил висевший на одной из стен вышитый ковёр со стаей волков, преследовавшей по зимнему ночному лесу сани, запряженные трой-кой лошадей. Вторым стал старый письменный стол – ровесник дома, на котором стояли самая настоящая керосиновая лампа и то, что выделялось новизной, – плеер и две аудиоко-лонки. Ну а третьим – две кровати, одна из которых была односпальной. Поразительная обстановка, напоминая то, что она помнила из своей земной жизни. Правда, «лампочка Ильича» была лишь в сельском клубе, а в остальном – всё, как в её комнате, правда без музы-кальной аппаратуры. Какое-то шевеление заставило её обернуться. Кто-то ещё находился в комнате вместе с ней.

На второй, двуспальной кровати, уткнувшись друг в друга, лежали двое подростков. Теперь, когда её глаза окончательно адаптировались к освещению, она смогла к своему ужасу различить, что кроме парочки подростков и нее, в комнате присутствуют ТРОЕ. И ПРА-ВЫЙ из них – только ОДИН. То был Ангел-Хранитель Алексея, на стажировку к которому её и прислали. Хранители, как общеизвестно, бесстрашны, но Элаина поневоле на мгновение закрыла глаза, понимая, в насколько непростой ситуации она оказалась. Обстановка была не то чтобы критическая, но достаточно напряженная. Ее надо было разрядить. Причём, разрядить так, чтобы основной Хранитель улыбнулся, а вот ЛЕВЫМ... им пусть икает. Идея ей пришла на ум достаточно быстро.

– Разрешите представиться: стажер Школы Ангелов-Хранителей, Элаина, первая сту-пень! Прибыла в ваше распоряжение для прохождения недельной ознакомительной прак-тики! – лихо представилась девушка-Ангел, подойдя к основному Хранителю, по-армейски отсалютовав начальству.

Оба ЛЕВЫХ, встретившие её ехидно-снисходительными ухмылками, тут же спрятали их и заметно напряглись, в полном раздражении выпустив пар из ноздрей. Обыкновенного ста-жера они бы, возможно, вытерпели, но вот такого, кто еще и рапортует столь необычно для обыкновенного слушателя из Школы...

Ангел-Хранитель Алексея устало вздохнул. – Что, тяжело? – участливо спросила Эла-ина

– Не то слово, – честно ответил Хранитель. – Кто бы ещё вчерашним утром мог пред-положить, что всё сложится именно так? Пару раз пришлось самому братья за управление мопедом. Даже времени не было, чтобы слетать с отчетом. К тому же...

– Понимаю, – кивнула девушка-Ангел. – Еще и нагоняй на ровном месте получить.

– Нагоняй? – переспросил Хранитель. – За что?

– Ну, за... – начала было Элаина, кивком головы указав в сторону спавших подростков.

– Речь не об этом... Я не мог оставить своего Подопечного одного в окружении ДВУХ ЛЕВЫХ! Ты ведь понимаешь, ЧТО это означает?

Девушка-Ангел грустно кивнула. Еще бы ей не понимать! Человек без Хранителя – что может быть ужаснее? Это ПРАВОГО может не оказаться за спиной живущего на Земле, а вот ЛЕВЫЙ... ЛЕВЫЙ присутствует всегда.

– А за то, что ты имела в виду, я бы нагоняй не получил. Вон, даже ЭТОТ... даже он ничего не записал в свою книжку записную, – Хранитель метнул строгий взгляд в сторону своего оппонента.

– И я не записал, как ни странно, – встрял в разговор второй ЛЕВЫЙ, стоявший за голо-вой девушки. – Хотя очередная запись, а их в этой записной книжке немало, мне бы не поме-

шала. Но... в таких обстоятельствах записи не делают. Никогда! А жаль... – глаза ЛЕВОГО сверкнули неподдельным злорадством.

– Что, простой человек, мой Подопечный сумел сделать тебя? – дерзко спросила Элаина, стрельнув своими очами в ответ.

Второй ЛЕВЫЙ от злости вновь выпустил пар, на этот раз, ради разнообразия, из ушей, сердито топнул копытицем, яростно заскрежетал зубами и с ревом выпалил:

– Это ничего не значит! Это временная и небольшая неприятность! У меня очень большие планы на твоего Подопечного, Алексея, – ЛЕВЫЙ не удержался от искушения поддеть Хранителя, пусть даже совершенно другого Подопечного.

– Да что ты! – жестко парировала девушка-Хранитель. – Моему Подопечному ты ничего не сможешь сделать!

– Ты так считаешь? – злобно захохотал второй ЛЕВЫЙ. – Еще как сделаю!

Элаина и основной Ангел-Хранитель обнажили свои мечи. И их лязг стал последним, что девушка запомнила из своего сна...

•

... – Да, странный мне сон приснился сегодня: я, Алексей, черти, Ангелы. И, если первые два пункта меня устраивают, то последние пункты никуда не годятся. Ведь если существуют они, то тогда существует и ОН... А вот этого быть не может! ОН бы не допустил такой несправедливости по отношению ко мне!

Девушка достала из своей сумочки початую пачку сигарет и зажигалку. Совершенно неожиданно ей вспомнились обе её вчерашние идеи. На первую, заключающуюся в том, чтобы рассказать Алексею всю ПРАВДУ, она так и не решилась вчера, поскольку не успела. А вот сегодня, успев обдумать, уже не решится точно. Неожиданно она поняла, что не сможет рассказать об этой своей тайне вообще никогда, хотя, вполне вероятно, это и сняло бы многие проблемы. А уж проблему непонимания её поступков, её импульсивность – точно! Но именно сейчас, после того, что произошло, ей захотелось обойтись без того, чтобы к ней испытывали даже малейшую жалость. А вот на второе она была еще очень даже способна. И даже несколько раз пробовала. Одна. Но всякий раз у неё всё срывалось в самый последний момент. Всегда что-то ей мешало. То не вовремя приходили родители, то отвлекал телефонный звонок, то просто у нее не получалось... А вот теперь, по её мнению, обстоятельства складывались самым наилучшим для этого образом. Да и когда еще на это можно решаться, как не сегодня. Сегодня уж точно самый подходящий момент, к тому же они с Алексеем здесь вообще одни...

Да... Алексей – самый лучший вариант! Поскольку ни один из тех парней, кто был у неё ДО Алексея, никаких особых чувств к ней, кроме удовлетворения своей похоти, не испытывал. А значит, и не был достоин такого предложения. Правая рука ещё раз погрузилась в сумочку и нащупала в ней то, что она без тени сомнения стащила вчера у своего отчима. Указательный палец её правой руки, прикоснувшись к металлу, описал полный круг, пройдя по ободу небольшого кольца...

•

...Элаина с нескрываемым интересом наблюдала за действиями своего временного Подопечного, занятого привычной для её взора крестьянской работой – колкой дров для печки, и слушала основного Хранителя Алексея. Слушала и порой забывала закрывать свой то и дело раскрывающийся от непомерного удивления рот.

Вот тебе и самый обыкновенный (ха-ха-ха!) мальчишка! «Домашний» к тому же. Ну да, ну да «домашний» он! Вот тебе и самая «рядовая история»...

– Я думала, такое только в книгах бывает, – честно призналась Элаина. – Ну, или в методичках. Нечаянная встреча через столько лет, в таком опасном возрасте, да еще и при таких невероятных обстоятельствах.

– Да и я сам не ожидал такого поворота событий! Ведь ничего не предвещало случившегося. В школе никаких конфликтов ни с кем у них не было, Алексей её проводил до подъезда, к себе домой пошёл. Даже дома вчера ему никто и ничего плохого про неё не сказал.

– А что? – Элаина сразу зацепилась за выделенное Хранителем слово «вчера» и насто-рожилась. – Раньше родные так говорили?

– Что есть, то есть! – ответил Ангел. – И про то, что она уже не та десятилетняя девочка, которую он помнит, что она ему не пара, что она курит, как паровоз, что она крайне порочная и распущенная, что у неё «не все дома», что на ней пробы ставить негде...

– Неужели это всё – правда? – ужаснулась Элаина. – Как-то не верится...

– Увы, да, – грустно кивнул Хранитель. – По понятным причинам мы не можем узнать всю ПРАВДУ непосредственно от её Хранителя, но... Я часто общаюсь с Хранителями его родителей. Они в один голос подтвердили, что говорить такие жесткие вещи их Подопечные имели все законные основания. Хранители друзей родителей Алексея наблюдали некоторые факты лично. Так что родители, проявляя заботу, лишь слегка сгустили краски, добавив чёрного цвета. На то они и отец с матерью, чтобы уберечь своего сына. Пусть даже и такими методами, такими не совсем моральными мерами.

– Тогда почему не вмешался ты сам? – задала интересовавший ее вопрос девушка-Ангел. – Неужели нельзя было хотя бы предостеречь Алексея? Ну, нашептать ему на ухо про неё ночью, воззвать к его разуму, может быть, это и сработало...

– Потому, – грустно ответил основной Хранитель. – Потому, что мой Подопечный всерьёз ВЛЮБИЛСЯ. Понимаешь?

– Понимаю, – проговорила Элаина. – Вот ужас-то!

– А знаешь, в чём заключается самый главный ужас сложившейся ситуации? – продолжил свой рассказ Хранитель, глядя в глаза временной напарнице-стажеру.

– В чём? – спросила удивленная девушка-Ангел. – Что может быть ещё ужаснее того, чтобы в первый раз влюбиться в такую девушку?

– Она, Катя... – Ангел замолчал на мгновение и, лишь затем, решившись, закончил объ-яснение. – Тоже в него ВЛЮБИЛАСЬ! И, поверь мне, тоже в ПЕРВЫЙ РАЗ... Влюбилась, и стала, поверь, гораздо лучше, чем была раньше. И, видя эту перемену, Алексей сейчас ста-рается вытягивать ее из этого омута дальше.

– Неужели все это может быть правдой? – в непомерном удивлении спросила Элаина. – После всего того, что я узнала о ней?

– Так оно и есть! Алексей – мой не первый Подопечный, так что Истинную Любовь я умею распознавать. И, если бы не этот побег, их отношения еще долго оставались бы на уровне «проводить до дома, робко поцеловаться в подъезде, сходить в кино». Даже, как ни странно, и с ее стороны тоже, я чувствую это.

– Невероятно, – покачав головой, проговорила девушка. – Чего только не бывает в жизни. Одно непонятно, почему всё сложилось именно так?

– Не знаю, вот правда, не знаю. Эх, был бы у этой несчастной девочки Хранитель, нам был бы известен ответ на этот вопрос.

– А почему ты тогда не поднял тревогу? Почему о сложившейся ситуации никто не узнал на Небесах? Даже Серафим...

– Потому, что вчерашним утром я и представить не мог такого! Уверяю тебя, их отно-шения складывались так, что ещё месяц можно было быть совершенно спокойным. А тут... Неожиданный телефонный звонок, истерика и несусветная ругань на том конце провода, Катину «Спаси!» сквозь слёзы. И его, Алексея, РЕШЕНИЕ. РЕШЕНИЕ совершенно спонтанное, но ПРАВИЛЬНОЕ, учитывая все обстоятельства и их возраст, когда мир зачастую окра-шен в два цвета: чёрный и белый, без лукавых полутонов. Причем и для не, Кати, тоже, что

означает одно – не настолько она пропадающая, как это может показаться на первый взгляд. А дальше случилось то, что случилось!

– Ну и Подопечный мне достался на Ознакомительной Практике! – улыбнулась Элана. – Он и правда, очень сильно подходит мне по Духу...

•

...Алексей тем временем закончил колоть дрова, положил топор на полку в угол сарая и начал подбирать с земли расколотые части брёвен, предназначенные для поддержания тепла в комнате. Проснувшись сегодняшним утром рядом с Катей, он впервые в своей жизни осознал, что такое настоящая ответственность за другого человека. А ещё понял, как по-настоящему ему ХОРОШО с ней. И что он просто обязан сделать всё возможное, чтобы она обрела то счастье, которого прежде ей так не хватало в жизни. Поэтому он с самого утра решил позаботиться о своей любимой. Растопив печь (все же дом пустовал всю зиму, и внутри ночью было прохладно), Алексей вышел во двор, чтобы приготовить новую порцию дров для печки, а также сообразить скромный, но столь необходимый им завтрак. Слишком много сил они потратили вчера. Эти силы требовалось восстановить. К тому же чашка чая, пробуждающая ото сна... что может быть приятнее?

Прикрыв глаза и глубоко вдохнув чистый деревенский воздух, почти не содержащий примесей выхлопных газов, Алексей наслаждался одним из самых романтических моментов в своей жизни. Пожалуй, лишь один мог конкурировать с ним за пальму первенства. И связан он был, как это ни странно звучит, именно с Катей. Тогда, пять лет назад, когда две семьи (Катина и его) отдыхали вместе на базе отдыха «Север», они лежали рядом на матрасах и, загорая, соприкасались кончиками пальцев на вытянутых руках. Соприкасались и ощущали, как странные, но приятные импульсы, бегут от кончиков пальцев, попадая прямо в сердце...

Свист чайника заставил его отвлечься от столь приятных воспоминаний, обронить полотенца и выключить электрический чайник из сети. Затем он аккуратно начал разливать кипяток по двум чашкам с чайными пакетиками, стоявшими на подносе вместе с тарелкой, на которой лежали три пары бутербродов: два с маслом и сыром, два с ветчиной и два с колбасой. То, что он нашел в холодильнике, помимо банки килек в томате и картошки. Едва он приподнял поднос с завтраком, как его взгляд скользнул по мопеду, на котором этой ночью они и приехали сюда. Совершенно неожиданно для него два колеса стального коня стали ассоциироваться с сердцами двух влюбленных друг в друга людей. Как-то сами собой на ум пришли строки:

*Два колеса в синхронном беге,
Два сердца в такт стучат сейчас.
Побег. И рвемся мы к победе,
Никто не остановит нас!*

*Пускай косые взгляды в спину,
Пускай нам пыль летит в глаза,
И байк один, и мы – едины,
И на Двоих – Одна Судьба!*

Алексею очень понравился получившийся у него стихотворный экспромт. А ведь, в самом деле, вчера всё было именно так. Дерзко, с юношеским максимализмом и фатализмом.

*Что дальше будет – Небо знает,
Но мне сейчас уж всё-равно.
Нас Темнота с Тобой спасает,
И Выбор сделан мной давно...*

– Надо бы это запомнить, – отметил про себя Алексей. – Запомнить, записать и... продолжить. Ведь у меня получилось очень и очень хорошо. Вот будет сюрприз для Кати!

Алексей шёл и не замечал, ибо человек этого не может заметить, что за ним неотступно следуют трое: Ангел-Хранитель, Ангел-стажер и... один ЛЕВЫЙ, который, что было необычно, следовал впереди, и то и дело подносил мохнатые лапы к своей морде.

– Катюш, доброе утро! – улыбнулся своей подруге Алексей. – Все ли хорошо, любовь моя?

– Да, Алекс, все замечательно. Ведь теперь плохого точно не будет, правда?

– Разумеется, не будет! С чего бы этому случиться?

– Ну как тебе сказать, – начала объяснять девушка, пропуская к столу несшего поднос Алексея и не выпуская из рук свою сумочку. – Теперь, когда ты вроде бы уже получил от меня то, чего добивались все прочие...

– Кать... я – не все прочие. Вот, веришь ли, я тебя люблю. И если ты думаешь, что оставлю тебя с твоими проблемами один на один, то ты ошибаешься. Все траблы разрешим! Я тебе помогу! Мы их решим вместе!

– Вместе... – эхом проговорила девушка. – Как это правильно! Ты даже не представляешь, какое это хорошее слово – «вместе».

Произнесенное ненароком слово вновь напомнило ей про одну из ее вчерашних идей. УЙТИ вместе с ним. УЙТИ красиво. УЙТИ сейчас, пока еще все относительно хорошо, пока боль, очередной из приступов которой она пережила вчера, еще не стала ее повседневностью, пока она еще способна чаще улыбаться, чем страдать. Кстати, об улыбке... Катя прекрасно осознавала, что она сейчас улыбается от счастья, ведь рядом с ней находится парень, который ее и в самом деле любит и который, сам того не зная, так много сделал для нее. Он – достоин! Не пора ли показать ему её главный подарок? Подарок для них двоих. Пора! Правая рука девушки обхватила ребристую поверхность лимонобразного предмета и резким движением руки извлекла его из сумочки...

•

...Первым опасность заметил не Алексей и даже не его Основной Хранитель. Первой среагировала Элаина. Среагировала рефлексивно, краем глаза уловив странное движение девушки её временного Подопечного. Опыт земной жизни, помноженный на подмеченные в рассказе основного Хранителя отдельные моменты, моментально сложил в ее разуме все элементы пазла в единую, крайне опасную для ее Подопечного картину...

– Обернись! – крикнула Подопечному Элаина. – И замри!

Едва было произнесено последнее слово, как в воздухе сверкнули Огненные Мечи. Оба ЛЕВЫХ пошли в стремительную атаку. Оба Хранителя: основной и Элаина обнажили свои мечи и приготовились ее отразить. И вновь Адский Пламень встретился в воздухе с Вечнохолодным Льдом, вновь завертелась карусель тех схваток, что возникают каждый день в разных уголках брэнного мира, на этот раз, однако, в тесноте крайне небольшого по своей ширине помещения. А в центре этой невидимой людскому глазу бури из веерной защиты и акцентированного нападения, стояли двое: Алексей и Катя...

•

...Алексей, невероятным способом поймав чей-то, кажется женский, крик, обернулся и замер, как ему и было сказано. В бесформенной, на первый взгляд, железке землянисто-ржавого цвета, он моментально опознал то, что меньше всего ожидал увидеть – ручную гранату «Ф-1». Лишь через секунд десять, когда его мозг окончательно осознал, что все это – реальность, Алексей смог вымолвить:

– Катюш? Давай ты мне аккуратно передашь этот... предмет. От греха подальше.

– Что? Испугался? – спросила Катя, из глаз которой текли крупные и чистые слёзы. – А кто говорил, что любит меня?

То, что граната настоящая, Алексей определил сразу. И почти сразу понял, каким образом она оказалась в руках у его девушки. В прошлом она пару раз упоминала, что её отчим имеет свой небольшой бизнес, основанный на продаже предметов старины. А «небольшой бизнес» для нынешнего времени, середины 1996 года, понятие крайне расплывчатое. Так вот, если это сопоставить с тем фактом, что он, отчим, любил, закинув за плечи рюкзак и прихватив саперную лопатку и магнитометр, усовершенствованный им самим, отправиться в поход под Брянск, Псков, на «Невский Пятачок»... Те самые места, где в изобилии находились предметы, утерянные более полувека назад. Предметы, которые в разговорах люди то и дело именовали эвфемизмом «Эхо войны». Значит, Владимир не только поиском и последующей продажей наград баловался...

– Я это говорил, говорю и буду говорить, поскольку это – чистая правда! Я... Тебя... ЛЮБЛЮ...

– Тогда... докажи мне это!

Алексей сделал шаг вперед, внимательно наблюдая за реакцией своей подруги. Шага назад она, к счастью не сделала. Лишь завела правую руку с гранатой себе за спину...

•
... – Я же сказал тебе, – вскричал Левый, отвечавший перед своим начальством за Катю, обращаясь к Элаине, которую он выбрал себе в противники. – Сказал, что по отношению к нему у меня большие планы? А ты мне не верила. Так кто же из нас прав?

– Ещё не вечер! – ответила девушка-Хранитель, отбивая мечом удар и переходя в контратаку. – И его время ещё не пришло!

Элаина готова была разреваться вслед за Катей, но её сдерживало то, что она уже была Ангелом, на которого возложили очень важную ответственность. Святую ответственность за Бессмертную Душу Подопечного, и она должна была сражаться за нее до конца, используя все возможные способы. Ей оставалось только стиснуть зубы и продолжать сражение, пусть даже с минимальными шансами на успех...

•
...Алексей, сделав первый шаг к своей девушке, неожиданно ощутил на Душе необычное спокойствие и лёгкость, будто он уже не принадлежал этому миру, будто его нога (по крайней мере одна) переступила край обрыва и зависла в воздухе над Бездной, как во вчерашней песне группы «Ария», пересекла некую Черту. Мысли стали чистыми и ясными, сконцентрировавшись исключительно на гранате. Как хорошо, что он умел слушать и запоминать! И как здорово, что в их школе целый год ещё шёл предмет, известный под аббревиатурой «НВП» – Начальная Военная Подготовка. До самого предмета они не доросли, но однажды на замену учительницы природоведения вызвали строгого военрука. И именно он пару раз показал на макете им, сопливым пятиклассникам, где находится слабое место у этой гранаты. И что надо сделать, чтобы грозное оружие превратилось в пустой кусок железа. К счастью, Катя тогда в их школе еще не училась, и фокус можно было попробовать.

– Неужели ты думаешь, что я тебя брошу, Катюш? – ласково проговорил Алексей, сделав еще два шага навстречу Кате, подойдя к ней вплотную и заведя свои руки за ее спину. – Ошибаешься! Я буду с тобой!

Пальцы правой руки Алексея, обхватили УЗРГМ, аккуратно спустили с него ладонь Кати вниз и резко повернули его против часовой стрелки. Но он, заржавев, не сдвинулся с места. Ну же, еще один раз...

•
...Элаина ловко проскочила сразу между двух ЛЕВЫХ и тут же увернулась от удара, наносимого ЛЕВЫМ, отвечавшим за Алексея. Удар его Огненного Меча пришелся по основанию

Огненного Меча ЛЕВОГО, отвечавшего за Катю. Результат превзошёл все ожидания: тот меч, по которому был нанесен удар, полыхнул последней вспышкой, а затем попросту исчез. Ведь общеизвестно, что лесной или степной пожар можно погасить пожаром встречным. ЛЕВЫЙ взвыл от ярости, сжимая в руках бесполезный эфес, а Элаина, оглядевшись, моментально поняла, что хочет сделать Алексей. Он намеревался в первый раз попытаться повернуть запал в направлении, противоположном ходу часовой стрелки. Без запала граната – ничто! Но у него ничего не получилось. Видимо, время и ржавчина спаяли его и корпус в единое целое. А это уже было фатально. Сейчас Катя опомнится, дернет за кольцо и произойдёт непоправимое.

Первую мысль, мысль, собрав все свои силы, крикнуть Подопечному одно слово: «Беги!», она отбросила сразу. Просто поняла, что если её Подопечному не удастся выкрутить этот запал, то он и правда не бросит Катю, и предпочтёт остаться с ней, в её объятиях. Навсегда...

И, едва Элаина только подумала об этом, она осознала, что ей необходимо сделать. На первой ступени Школы дают обширный объём знаний, рассказывая в общих чертах обо всём, что может пригодиться будущим Хранителям, вот почему она имела представление и о таком крайнем способе спасения своих Подопечных, как телекинез. Все самые невероятные с точки зрения науки случаи спасения объяснялись именно применением Хранителем телекинеза в критической ситуации. Будь то невероятный случай, когда хилому подростку удалось удержать на своих плечах тяжёленную бетонную плиту, грозящую задавить его младшую сестру, или тот, когда пенсионеру-сердечнику удаётся продержаться двадцать минут в ледяной воде, вытаскивая из проруби какого-то шалопаю, объясняются одним: Хранитель применил телекинез для оказания ему помощи. Применяется телекинез крайне редко, поскольку самым главным является искреннее желание Подопечного спасти другого. Спасать не ради денег, не ради дурной славы, а просто «за други своя». Было и второе. Хранителю требовалось пожертвовать для этого частью самого себя. Это невероятно опасное дело. Ведь если пожертвовать малым, то Подопечный либо погибнет и сможет спасти другого человека, либо просто погибнет. Вот почему Хранители, решившиеся на это, зачастую отдавали ВСЕ свои силы. Не только те, которые удерживали их в брэнном мире, но и те, которые были их Ангельской Сутью. Страшно! И не за себя. Те, кто был сочтён достойным для поступления в Школу, за себя не боялись. Страшно за Подопечного, который на время оставался без всякой защиты... Элаина решила. Пусть она не обладала всей силой истинного Хранителя, но небольшой запас их был. К тому же она, в конце концов, – не основной Хранитель, а только стажёр...

Невидимый человеческому глазу луч невероятной силы ударил по пальцам Алексея. Он на мгновение ощутил, будто кто-то невидимый, но сильный, сжал его руку и одним резким движением смог сдвинуть, повернуть заржавевшую гайку на первый, но самый трудный и важный оборот. Следующие обороты пошли легче, и прежде чем Катя успела опомниться, Алексей, вывернув до конца запал, отивырнул его далеко за спину своей девушки. Это было последнее, что запомнила Элаина в брэнном мире, пока силы окончательно не покинули её...

...Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем она очнулась. Белые стены, Истинный белый свет вокруг и Белоснежные крылья Серафима, склонившегося над ней.

– Простите... – первое, что смогла сказать девушка. – За что? – спросил Серафим

– Я не смогла, я не справилась, один единственный день, а я не справилась...

– Не справилась? – непомерно удивился Серафим. – Все наоборот! Ты сделала даже больше, чем смогли бы сделать многие в подобной ситуации. Твой случай на ознакомительной практике точно войдёт во все новые методические пособия. Да, искусством соизмерять силы тебе ещё предстоит овладеть, но сам факт того, что ты использовала все возможности, говорит о многом. Практика зачтена. И не просто на «отлично», а на «выше всяких похвал».

Ты рисковала и рисковала сильно, долгие сорок земных дней ты не могла даже в себя прийти, но теперь точно все в порядке.

– Сорок дней? – не поверила своим ушам Элаина. – А как же...

– Алексей? – отозвался Серафим. – О нём скажу, поскольку он был и твоим, пусть и временным, Подопечным. Он очень интересный Человек. Я уже прочитал отчёт его Хранителя. Да, стоит кое о чем подумать. Чтобы тебя успокоить, скажу одно: он жив, а его Душа пока в относительной безопасности. И это – самое главное!

– А Катя? – задала еще один вопрос Элаина. – Эта несчастная девочка.... С ней что?

Серафим пристально посмотрел на девушку-Ангела из-под пары своих крыльев, прикрывавших его лицо. Затем тяжело, но красноречиво вздохнул.

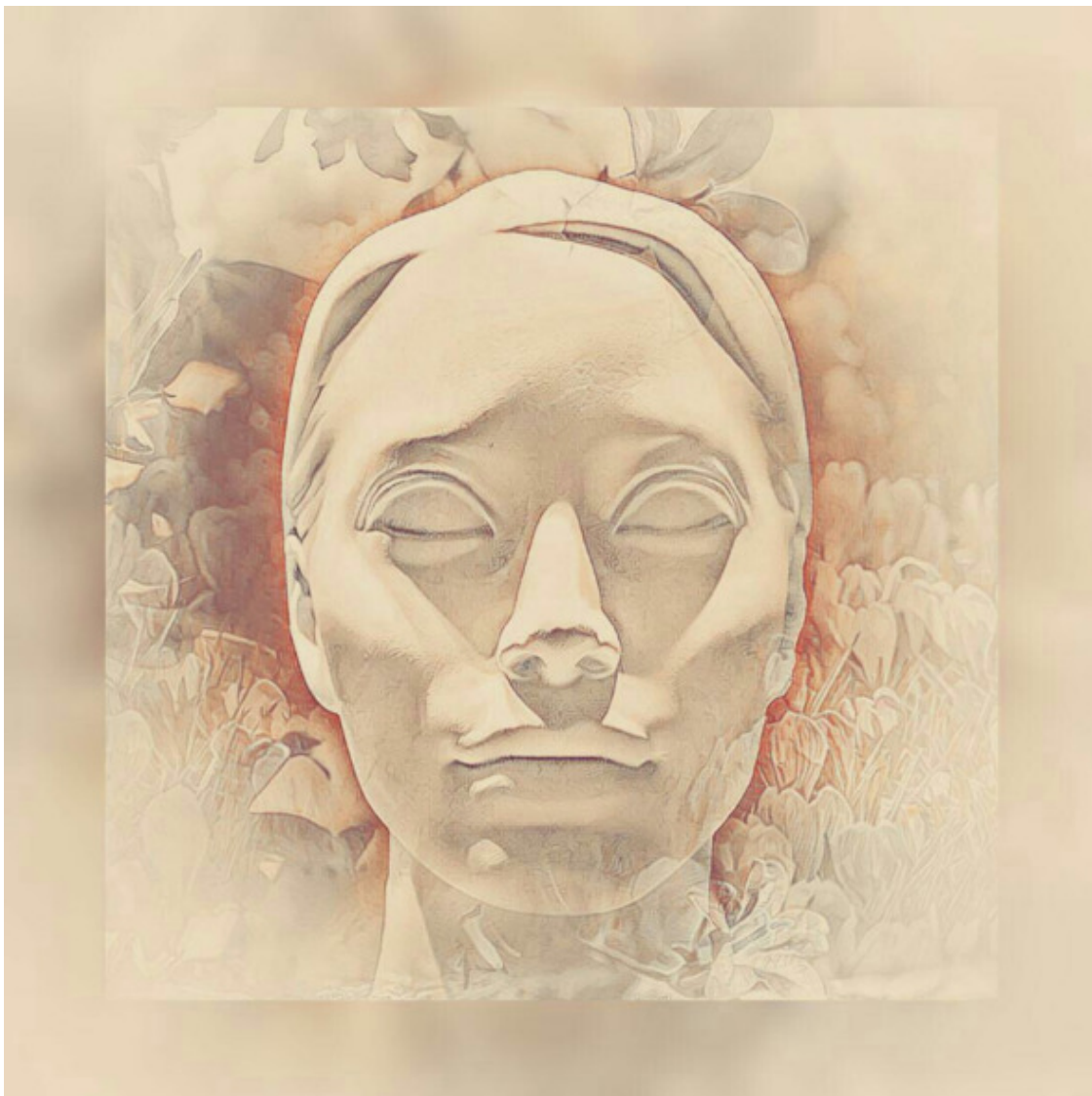
– Хранителю не дозволяется знать судьбы других людей, которые не были их Подопечными, но придет время, и ты сама узнаешь об этом. Отдыхай, сил набирайся...

Серафим, взмахнув на прощание своими крыльями, вышел из комнаты, а Элаина, прикрыв глаза, погрузилась в сон.

20—25 06.2017.

В повести использованы тексты песен группы «Ария»

Матильда Иванова

Планета Земля
<https://vk.com/id327692817>

Проводник

Бром с утра как заведённый: не усидит на месте, мечется туда-сюда, иногда взлетая над полом на вершок. У меня в глазах уже мельтешит от трепыханья его крыльев. И чего, спрашивается, так переживать? Не последний ведь клиент.

– Так, Джек, – командует шеф и по совместительству учитель, зависнув перед моим столом, – сбегай в порт, поспрошай, кого ждут...

– А зачем? Мимо нас же не пройдут.

Не хочу я бежать в порт. Опять ищи дорогу полдня, а потом еще назад... Нет, ну его. Вон у нас вывеска какая – «Услуги проводника. Фейское качество» – дорогушая, плотник за нее целое состояние запросил.

– Давай, не ленись. Такой молодой, а уже ведешь себя, как старик. Взгляни на меня, – он пристально смотрит мне в глаза. Я не выдерживаю взгляда серебристых ярких глаз и соскальзываю вниз, к разорванным крыльям носа. Бром никогда не рассказывал, кто его так изуродовал. – Мне двести шестьдесят лет, а в какой форме, а?

– В отличной, – бурчу, выползая из-за стола. Если сейчас не уйти, придется слушать лекцию еще с час, не меньше. – На обед взять что?

– Захвати пирожков у Крисси! – доносится в спину.

На улице собирается дождь, а мы – вот не повезло! – переместились к самому краю города: за крышами виднеется лес и белые колпаки гор. Я, конечно, не уважаемый Броммиль Юнт по кличке Картограф, но тоже чего-то стою. Чутье нельзя отключить, но можно ослабить или усилить; сейчас я, наверное, похож на приноживающегося пса: глаза закрыты, голова запрокинута в небо, ноздри трепещут. Слева тянет морем – значит, мне туда.

Аркадия – город не для всех. Работы у нас мало, развлечений и того меньше, а проблем хватает. Чего стоит проклятие, из-за которого дома и целые квартала то и дело меняют свое расположение. Выйдешь с утра на работу, а вечером вернуться не можешь – не узнаешь ни дорогу, ни округу. Не, местные, те, что живут тут с прадедов, чувят дом, но не больше. А приедем приходится туго.

Влага, рассеявшаяся в воздухе, оседает на плечи, пропитывает одежду неприятной мокрядью, застит глаза, а я спешу, потому что чувю – скоро дороги переменятся.

Ратуша сегодня высится в окружении ветхих пансионатов, в которых ютятся пропойцы, призраки и потерянные души. Насчет душ я не шучу: эти люди не нужны никому, в первую очередь самим себе, тем и пугают. От них надо держаться подальше, если не хочешь подцепить лень и равнодушие.

Я огибаю библиотеку и за ее углом натыкаюсь на здание порта. Внутри оживленно: в гавани виднеется несколько кораблей – им надо управиться за шесть часов. Отчего-то на воде проклятие действует с четкостью хронометра.

– Ну как жизнь, Вал? Есть что-то интересное?

Клерк, Толстяк Вал, любит сплетни почти так же сильно, как и поесть.

– Не хотелось бы говорить, но...

Я склоняюсь ниже:

– Что?

– Я слышал, что неподалеку видели пиратов! – шепчет он. Голос дрожит то ли от страха, то ли от возбуждения.

– Да не может быть!

И впрямь, что они у нас забыли? Ни добычи, ни укрытия.

– Вот и я не поверил, а Хромоног...

Когда я вырвался из цепких лап сплетника, солнце подобралось к зениту – обед совсем скоро, и если Бром не получит свои пироги, он съест меня.

Постоялый двор у нас был всего один, там же и столовались те, у кого были лишние деньги или не было выбора. Крисси, владелица двухэтажного здания с красной – издали видно – крышей, летом натягивала вдоль стены навес, чтобы гости могли дышать воздухом. Бром сделал ей связку амулетов: ключи всегда приводили клиентов к номеру. Я так не умею – вкладывать дар в предметы, – поэтому обычно провожаю клиентов лично, по пути исполняя роль гида и носильщика.

Крисси трудилась в зале: выставляла на стол, за которым сидел высоченный незнакомец, печеную курицу, печеные овощи и печеные же лепешки. Запах стоял такой, что я облизнулся и побыстрее шагнул за порог.

– Привет, Крисси!

– А, Джек. Тебе как всегда? Подожди секундочку, – улыбнулась Крисси и спросила у громилы: – Что будете пить?

Незнакомец обернулся и уставился на меня. Я ответил той же любезностью: прошелся взглядом сверху донизу, отметив богатый, но изношенный наряд, длинную бороду и загар до черноты.

– Джек, да? Садись-ка, дружок, угощайся, – загудел громила бочкой. – Красавица, нам пива.

Я б отказался, честно, но от стола так вкусно пахло, а я так проголодался... Да и Бром никуда не денется, подождет.

– Хорошо, сейчас принесу.

Проводив Крисси долгим взглядом, громила отломил куриную ножку и зачавкал. Я, вспомнив мамины уроки, решил блеснуть манерами и потянулся за вилкой.

– Ты смотри – какой господинчик. А я не люблю такого, вот этих всех штучек: ложечки, вилочки, будьте любезны... Время зря тратить. Так себе и говорю: Лу, не старайся зазря, ты человек простой. А ты?

– А?.. Да, я тоже простой, – оторвался я от еды.

Взмахнув обглоданной и местами изгрызенной костью, Лу продолжил есть и говорить:

– Ну оно и верно: зачем нам на корыте фигурировать? перед кем? Как рыбы в бочке сидим, знаем друг дружку как облупленных.

На моряка Лу не походил. Все знакомые мне моряки были куда молчаливее и... спокойнее. От нового знакомого, несмотря на добродушный вид, веяло скрытой тревогой.

Отхлебнув пива, принесенного Крисси, я откинулся на спинку стула и представил, как сейчас Бром томится в духоте, в небольшой комнате, где места хватает двум столам, паре стульев и шкафу. Посетители обычно не задерживаются, вот и сидеть им незачем, считает шеф.

– ...хорошо? – спросил Лу и уставился на меня.

– Извините, я не услышал.

– Говорю, что ищу кое-кого. Может, знаешь его? – У Лу были чёрные глаза, в которых я отражался карикатурой: длинное лицо, встрепанные волосы, руки-палочки.

– Может и знаю.

– Город небольшой же, вряд ли тут много иноземцев...

– Ну почему? – вступился я за честь Аркадии. – У нас хватает народу: и эльфы есть, и орки...

– А пикси? – Сжал руку в кулак Лу. На пальцах красовался перстень с черным камнем и татуировка – крошечная роза ветров. Лу подался вперед, ожидая моего ответа, мне даже показалось, что он задержал дыхание.

– Есть. Целая община.

Лу выпил пива и спросил:

– А нет там одного?.. Высокий такой, рослый... в шрамах, байки травить любитель.

Я подвигал бровями, изображая усиленную работу памяти. В животе, там, где обычно ощущался источник магии, появилось нехорошее предчувствие.

– Да я не знаю даже...

К столу подошла Крисси, неся в руках сверток с пирожками.

– Держи, Джек. Как там Бром...

Я прервал ее на полуслове, вскочив на ноги и выхватив пирожки.

– Спасибо, Крисси! Вот, держи деньги. Рад был знакомству, Лу, бывай. Побегу я.

– Еще увидимся! – донеслось мне вслед.

Дорога назад много времени не заняла: я несся вперед, не обращая внимания ни на кивки знакомых, ни на в очередной раз сменившиеся улицы. Оказалось, в моменты тревоги я нахожу дорогу не хуже Брома.

Случайная встреча, сплетни Толстяка – все это смешалось воедино, превратившись в невероятную историю. Мог ли Лу быть пиратом? А его интерес? Он ищет Брома? Того самого, о прошлом которого никто не знает правды, ведь каждому любопытствующему он рассказывает новую историю? Брома, что любит поучать меня по поводу и без; ворчит и ругается беззлобно при каждом моём промахе; не прячет от взглядов рассеченные, разорванные, изуродованные ноздри и уши?

Чем ближе я подходил к нашей лавке, чем дольше вспоминал Лу, его татуировку, слова и образ, тем больше убеждался в своей правоте.

– Ты где был столько времени? Сам пирожки пек? – встретил меня Бром.

Я выложил на стол промасленный сверток, из которого выглядывала румяная теплая выпечка, и спросил прямо:

– Бром, ты был пиратом?

Пикси вздернул брови, достал пирожок и впился в него зубами. Ел он так аппетитно, что я и сам потянулся за пирожком.

– Конечно, – наконец ответил Бром. Он вспорхнул вверх и достал с верхней полки бутылку вина. Налил стаканчик, не заметив моего жадущего взгляда, и сказал: – Ходил по южным морям, искал сокровища. Эх, молодость.

Вот и пойми его: врет или правду говорит? Я вытер руку о штаны и потянулся за стаканом. Бром шлепнул меня по пальцам.

– А грабил кого-нибудь?

– Грабил?.. Ну какой же ты тогда пират, если никого не грабишь? Так, путешественник. Морской пикси, не умеющий ни летать, ни плавать. Совершенно бесполезная животинка, если б не магия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.